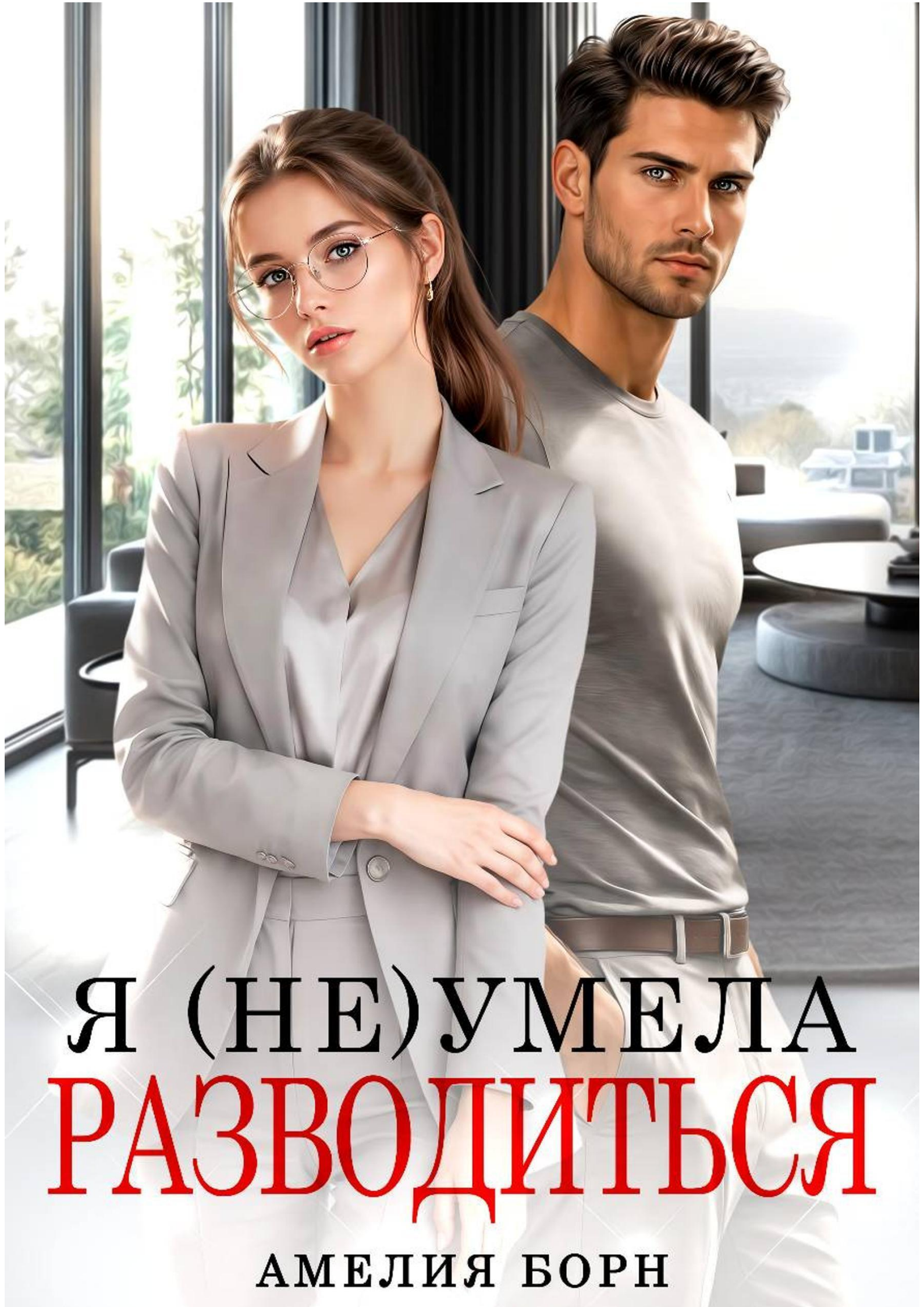

Я (НЕ) УМЕЛА РАЗВОДИТЬСЯ

АМЕЛИЯ БОРН

Амелия Борн

Я (не) умела разводиться

«Автор»

2026

Борн А.

Я (не) умела разводиться / А. Борн — «Автор», 2026

- Спорим, вон та страшенькая в очках за меня пойдет замуж сразу, как позову?- Ты дурак, что ли, Сивый? Она же из этих элит, во. - И что? Мне такая и нужна. Папочка при бабле, девица явно ни с кем до меня не была. В общем, все складывается идеально Я женился на Арине Гриневой, той самой «страшенькой в очках». А когда она узнала, что случилось это чуть ли не на спор, решила со мной развестись. Только я ее отпускать не намерен. Во-первых, она беременна, хотя пока это скрывает. А во-вторых Во-вторых, я, кажется, успел очень сильно в нее влюбиться.

© Борн А., 2026

© Автор, 2026

Амелия Борн

Я (не) умела разводиться

- Спорим, вон та страшенькая в очках за меня пойдет замуж сразу, как позову?
- Ты дурак, что ли, Сивый? Она же из этих... элит, во.
- И что? Мне такая и нужна. Папочка при бабле, девица явно ни с кем до меня не была. В общем, все складывается идеально...

Я женился на Арине Гриневой, той самой «страшенькой в очках». А когда она узнала, что случилось это чуть ли не на спор, решила со мной развестись.

Только я ее отпускать не намерен. Во-первых, она беременна, хотя пока это скрывает. А во-вторых...

Во-вторых, я, кажется, успел очень сильно в нее влюбиться.

Летать на крыльях счастья хотелось вплоть до того момента, пока меня не обрушили с небес на землю слова подруги:

«Ариш, погоди пока с тем, чтобы Алику объявлять о беременности! Я кое-что выяснила!»

Сразу, как только это узнала, я поняла - мой муж что-то натворил. Изменил? Предал? Такое вполне возможно... Сейчас каждый первый брак проходит через испытание под названием «чужая баба в постели». Но почему-то мне хотелось думать, что я ошибаюсь. Сивов не мог - он меня любит, я ведь это чувствую...

Однако внутри уже зашевелился червячок сомнения - а вдруг он реально увлекся другой? Даром, что Алик мужчина красивый, на него многие западают... Взять хотя бы Анжелку Ивецкую - та разве что на общих встречах ему в руки не идет. Но мой муж на нее внимание не обращает, по крайней мере, при мне.

В общем, ожидая прибытия Эллки, я была сама не своя. Даже пришлось применить несколько дыхательных практик - волноваться мне нельзя. Я пару недель назад узнала про беременность, но пока Алику говорить не спешила, почему-то хотелось временно сохранить это в секрете.

Какое-то подспудное чувство будто бы говорило: пока помолчи, Арина... Так будет лучше.

И я молчала.

Элла пришла через двадцать минут. За это время я успела даже выпить успокоительное, выдохнуть и сделать вид, будто смотрю какой-то ролик в телефоне. На самом деле просто скроллила ленту и ничего не видела. В голове был только белый шум.

Она появилась без звонка - я сама оставила дверь незапертой, потому что знала: Элла так и сделает. Влетит, как ураган, тут же начнет сыпать сентенциями.

Однако в этот раз она вошла тихо. Я даже не услышала шагов - просто подняла голову и увидела, как подруга стоит в проходе, мнет в руках ремешок сумки.

- Проходи, - сказала я, бросившись к ней. - И срочно рассказывай!

Элла скинула туфли, прошагала в сторону кухни, села за стол. И принялась молчать. Это было настолько не похоже на нее, что мне стало по-настоящему страшно. Она всегда начинала говорить с порога, выпаливала все залпом, а тут просто смотрела в стол и крутила чашку, которую я перед ней машинально поставила, намереваясь потом плеснуть туда чайку. Или нужно было запастись чем покрепче?

- Ты меня пугаешь, - призналась честно. - Что случилось?

- Ничего, - ответила она слишком быстро. - Воды можно?

Я посомневалась в ее «ничего», но воды налила. Элла пила ее мелкими глотками, потом попросила посмотреть, нет ли чего вкусенького в холодильнике, потом спросила, как я себя чувствую. Я отвечала односложно, но внутри все сжималось в преддверии ее признания.

Я понимала: она что-то выяснила, иначе не вела бы себя так.

- Элла, - позвала я, когда пауза слишком уж затянулась. - Ты приехала не ради разговоров о моем самочувствии и не ради вкусенького. Говори уже!

Она подняла на меня глаза и я аж дыхание задержала, ведь во взгляде Эллы была вина... Только за что? Даже нехорошие подозрения в душе зашевелились, но я отогнала их прочь.

- Я не знаю, как тебе сказать, - выдохнула подруга. - И вообще, может, не надо было лезть.

Меня охватило таким состоянием ступора, что сквозь него я только и могла, что вымолвить:

- Что у тебя за новости?

Она помолчала еще минуту. Это были мучительные шестьдесят секунд, и за то время, что они истекали, я чувствовала лишь, как внутри меня нарастает паника.

- Ладно, - сказала Элла наконец. - Но ты сядь... Наверное, в твоём состоянии так лучше.

Я послушалась, хотя от того, что она так невыносимо тянула, мне становилось лишь хуже и хуже... Элка открыла сумку, достала флешку, положила на стол. Я уставилась на нее, не понимая.

- Помнишь вечеринку у Ярцевых? - спросила подруга. - Ту самую, после которой у вас с Аликом все закрутилось?

Я кивнула. Конечно, помнила... Считала ее стартом для нашей счастливой жизни.

- У них в доме везде камеры, - продолжила неспешно Элла, словно ей было нужно время обдумать каждое слово. - Система безопасности, ты же знаешь. Так вот мне оттуда перепало одно видео... Не спрашивай, откуда. Я обещала не рассказывать. Но оно такое... В общем, сама посмотри и решай, что с этим делать.

Она замолчала, а я ждала. Мне казалось, что воздух в квартире кончился, я дышу через раз, потому что фантазии в голове мелькали одна другой краше.

- Элла, - процедила я сквозь зубы. - Если ты сейчас же не скажешь, что там, я флешку вотку тебе куда-нибудь в интересное место! - пообещала подруге.

Конечно, в шутку, но, как известно, в каждой из них только доля того, над чем хочется посмеяться.

- Там запись с террасы, - выдохнула Элла почти сразу. - На ней были Алик и Мирон - камера их сняла, и звук тоже. Они не знали, наверное, иначе бы о таком не говорили...

Она взяла флешку, повертела в пальцах, потом вернула на мою сторону стола.

- Я посмотрела, - сказала Элла тихо. - Несколько раз. И не знала, как тебе сказать. Думала, может, не надо, но потом решила, что ты должна знать правду.

Я смотрела на флешку и не могла заставить себя взять ее. Вроде как тогда мы с Аликом только-только начали общаться, и даже если окажется, что у него параллельно была женщина... Так, стоп! Об этом я стану думать уже тогда, когда все выяснится.

- Поставь, - попросила я тихо. - У меня ноутбук в спальне.

Элла помедлила, потом встала, принесла ноутбук. Я сидела и смотрела, как она вставляет флешку, открывает папку, находит один файл. Щелкает по нему два раза.

Сначала я не поняла, что на картинке. Она была темной, снятой с угла, но лица различались. Алик. Мирон. Фоном играла музыка из дома. А потом звук стал разборчивым, и я услышала голос мужа.

- Спорим, та страшенькая в очках за меня пойдет замуж сразу, как позову? - спросил он, кивая куда-то на нутро дома.

Я замерла. Смотрела на экран, на его губы, которые произносили эти слова, и не верила, что слышу именно то, что произносилось в данную секунду.

- Ты дурак, что ли, Сивый? Она же из этих... элит, во, - хмыкнул Мирон, лучший друг Алика.

- И что? Мне такая и нужна. Папочка при бабле, девица явно ни с кем до меня не была. В общем, все складывается идеально... - ответил мой муж.

Элла остановила запись. Я смотрела на черный экран, а в ушах все еще звучал его голос. Такой спокойный, уверенный. Будто он действительно обсуждал не меня, а какой-то выгодный контракт.

- В целом, ты понимаешь, о ком там речь... - едва слышно сказала Элла.

Конечно, она опасалась меня ранить. Ведь «страшненькая и в очках» - это я. Арина Гринева, ныне Сивова. И у меня была отличная родословная с теми пунктами, которые и перечислил на видео Алик.

Я сидела и чувствовала, как пол уходит из-под ног. Тот самый червячок сомнения, который шевелился во мне еще час назад, теперь превратился в змею, которая сжимала горло.

- Значит, правда, - выдохнула я. - Все с самого начала было ложью.

- Ариш...

- Нет, не надо. - Я подняла руку, останавливая ее. - Не надо меня жалеть или заверять, что все не так, как я понимаю.

Я встала, прошла к окну, уперлась ладонями в подоконник. В груди все кипело негодованием. Я вспоминала его взгляды, его слова, ту нежность, с которой он прикасался ко мне в первые недели. Я думала, что это судьба и он разглядел во мне что-то, чего не видели другие.

А он просто заключил пари!

- Теперь понятно, почему он так торопился с кольцом, - сказала я, не оборачиваясь. - Почему хотел как можно скорее повести под венец «страшненькую в очках».

Элла молчала. Я знала, что она смотрит на меня, хочет подойти, обнять, но подруга наверняка чувствовала - я сейчас не могу этого принять. Потому она оставалась на месте.

Я опустила взгляд на свой живот. Там, внутри, еще совсем крошечный, жил человечек, о котором Алик не знал.

И теперь не узнает.

Я развернулась к Элле и сказала спокойно, даже слишком:

- Я ничего не скажу ему о ребенке. Ни сейчас, ни потом.

Даже у самой дрожь по телу прошла от того, как торжественно-мрачно это прозвучало.

- Ариш, но... - начала Эллка, но я ее перебила.

- Он не узнает! - повторила с нажимом. - Я сама справлюсь без всяких спорщиков.

Подруга посмотрела на меня долгим взглядом, потом кивнула. Она знала меня достаточно хорошо, чтобы понимать: когда я приняла решение, переубедить меня невозможно.

Я провела ладонью по животу и почувствовала, что поступаю абсолютно правильно. Пусть думает, что я просто ушла, потому что узнала правду о споре. Пусть даже считает, что не выдержала унижения.

Но ребенка он не получит.

Мой малыш будет только моим.

На какое-то время Элла притихла, но я знала ее - долго молчать она не сможет.

- Ариш, - осторожно начала она, чуть подаваясь в мою сторону. - Послушай меня. Я понимаю, это дерьмо полное. Я сама, когда увидела и услышала... у меня руки затряслись. Но может, не стоит рубить с плеча?

Я промолчала - только к окну отвернулась, чтобы смотреть на серое низкое небо.

- Ты же видишь, как он к тебе теперь относится, - продолжила Элла. - Я, может, и не эксперт по мужикам, но тут даже слепой заметит. Он на тебя смотрит так, будто ты... ну, не знаю... самое дорогое, что у него есть. Я несколько раз замечала: когда ты не видишь, он вообще от тебя глаз не отрывает. Это не игра, Арина. Так не играют.

- Отлично даже играют! - глухо ответила я. - Мужики умеют так делать. Особенно, как выяснилось, Алик, раз я до сих пор ни о чем не догадывалась.

- А может, и нет? Может, это уже не роль? - Элла повысила голос, но тут же сбавила тон, заметив, как я недовольно морщусь. - Ну посуди сама. Та запись - ей же сколько времени? Полгода уже, может, больше. Люди меняются. Может, он реально...

- Он женился из-за спора! - перебила я. - И из-за того, что у моего отца есть «бабло». В первый день, в первый час нашего знакомства он смотрел на меня и видел не Арину Гриневу, а выгодную сделку. Страшненькую в очках и с большим приданым. А еще без опыта, чтобы удобнее было под себя перевоспитать!

Слова выходили горькими, но я заставляла себя их произносить. Каждое из них - как пощечина самой себе. За то, что поверила и растаяла от сладких речей Сивова.

Элла вздохнула, поднялась, прошла по кухне, остановилась у меня за спиной.

- Я просто боюсь, что ты потом жалеть будешь, - сказала она тихо. - Может, стоит хотя бы поговорить с ним? Услышать его версию? Вдруг там что-то не так, вдруг контекст другой...

- Контекст? - Я фыркнула и развернулась к ней. - Элла, на записи четко слышно: «страшненькая в очках», «папочка при бабле», «девица явно ни с кем не была»! Какой еще контекст может оправдать эти слова?

Подруга отвела взгляд. Я знала, что она хочет как лучше, но сейчас ее попытки убедить меня казались почти предательством. Она словно бы вставала не на мою сторону, а на сторону моего муженька...

- Я не красавица, - сказала ей спокойно. - Я это знаю с самого момента, как стала себя осознавать личностью. В школе надо мной порой смеялись, в институте называли «серой мышью». Я привыкла. Но знаешь, чего я никогда не теряла, даже когда было невыносимо больно?

Элла молчала, только смотрела на меня и пыталась послать мне лучи поддержки.

- Достоинство, - ответила я уверенно. - Я всегда знала себе цену, не бегала за мальчиками, которые меня не замечали. Не унижалась, чтобы понравиться. И уж точно не собираюсь сейчас унижаться перед человеком, который сделал из меня пари!

- Это не унижение, Ариш, это разговор двух взрослых людей, - попробовала возразить Элла.

- Разговор будет, - кивнула я. - Когда я подам на развод. А до тех пор мне нечего ему сказать.

Она посмотрела на меня долгим взглядом. Я знала его, этот взор - смесь восхищения и отчаяния. Она понимала, что меня не переубедить.

- А ребенок? - спросила Элла почти шепотом. - Ты правда хочешь, чтобы он рос без отца? Может, развод, но папа будет навещать сына или дочь?

- Он будет расти с матерью, которая не позволит никому себя обесценивать! Как и не позволит обесценивать его, - ответила я. - Этого достаточно.

Элла вздохнула, вернулась к столу, забрала флешку и кинула ее обратно в сумку. Потом обернулась:

- Может, все же чаю выпьем? - спросила она с сомнением.

- Не хочется, - помотала я головой.

- Знаю. - Она достала из холодильника йогурт, поставила передо мной. - Тогда хоть это выпей, ты ведь теперь не одна.

Я посмотрела на йогурт, потом на нее. Подруга была на моей стороне, но не только она меня поддержит. У меня есть любящая семья - мама и папа всегда были на моей стороне. А значит, я выплыву, как бы ни было сейчас горько и больно.

- Элл, - позвала я, когда она вздохнула и направилась прочь из кухни.

- М? - обернулась подруга на пороге.

- Спасибо, что сказала, - твердо и уверенно поблагодарила ее за правду.

Она очень глубоко вздохнула, но все же растянула губы в улыбке:

- Ты только помни, что я рядом, ладно?

Я кивнула и через мгновение дверь за ней закрылась, после чего я осталась одна.

Я открыла йогурт, сделала глоток. Потом положила ладонь на живот и пообещала мысленно тому, кто еще даже не родился:

«Мы справимся. Я тебя никому не отдам. И себя тоже».

Я заехал в цветочный уже на автомате. Руки сами вырулили к знакомому магазину, хотя до дома оставалось пять минут, и можно было просто вернуться без букета. Но я уже открывал дверь, и дурацкий колокольчик над головой выдал мое появление.

Я не узнавал сам себя. Еще полгода назад я бы рассмеялся, если бы кто-то сказал, что буду таскаться по цветочным лавкам, выискивая что-то особенное. Для меня цветы всегда были формальностью - купил по пути, сунул в руки, дело сделано. Но сейчас я стоял посреди магазина и всерьез размышлял, что ей больше подойдет. Пионы? Да, она любит пионы. Или эти, нежные, почти прозрачные? В прошлый раз она задержала взгляд на витрине именно с такими.

- Вам помочь? - улыбнулась продавщица, которая меня очень хорошо знала.

- Дайте вон те, - кивнул я на вазу с теми самыми цветами, которые точно понравятся Арине. И добавил, сам не зная зачем: - И добавьте пионов. Белых.

Пока мне упаковывали букет, поймал себя на мысли, что считаю дни. Нет, не до чего-то важного по работе, а до того момента, когда она скажет о беременности.

Я знал, что Арина молчит о ней. Знал уже почти две недели - с того вечера, когда зашел в ванную за зарядкой для бритвы и увидел тест, забытый на краю раковины. Две полоски. Я смотрел на них и чувствовал, как внутри все переворачивается. Сначала растерялся, но потом странное, почти пугающее тепло разлилось в груди. Я тогда положил тест обратно, сделал вид, что ничего не обнаруживал.

Раз пока Арина собиралась молчать - пусть будет так. Значит, ей самой нужно время на то, чтобы свыкнуться с мыслью о материнстве.

Это ожидание было совсем не из того спектра эмоций, которые я планировал изначально. Тогда, полгода назад, я вообще ничего не собирался чувствовать. Брак с Гриневой был вложением. Чистая математика: статус, связи, ее отец, ее репутация. И она сама - тихая, в очках, с идеальным послужным списком без мужчин. Мирон тогда ржал, говорил, что я спятил. А я смотрел на нее через зал и видел идеальную партию. Удобную. Выгодную во всех смыслах этого слова.

Теперь сижу в машине с букетом, который выбрал с такой тщательностью, будто от этого зависит моя жизнь, и понимаю: я влип по-настоящему. Когда она смеется - заливисто, искренне, звонко - я готов слушать этот смех часами. Когда она поправляет очки, у меня внутри что-то щелкает. Когда она засыпает на моем плече... я могу почти не дышать, чтобы только ее не разбудить.

Я не знал, что так бывает. Думал, любовь - это для романтиков, для тех, кто не умеет считать деньги. Оказалось, я просто не умел чувствовать. А сейчас у меня есть моя жена.

Моя.

Жена.

Дома было светло и пахло ее парфюмом. Я вошел, сунул ключи в карман, прошел в сторону гостиной. Арина стояла у окна спиной ко мне, и я не сразу понял, что она слышала, как муж пришел.

- Арин, - позвал, доставая цветы из-за спины. - Это тебе. Те, которые ты в прошлый раз... - начал, но осекся.

Я протянул букет, ожидая, что она обернется, улыбнется, возможно, смущенно скажет, что зря потратился. Я ждал привычного.

Но она даже на меня не взглянула.

- Поставь в вазу, - сказала она ровно. - Потом вернись в комнату. Мне нужно с тобой поговорить.

Меня будто ледяной водой окатили, и дело было даже не в том, что я тут же стал перебирать в памяти, за что конкретно сейчас получу. Таких моментов просто не имелось. Дело было в совершенной холодности, которая буквально лилась в мою сторону...

- Арина, что-то случилось? - выдал из себя, но она ничего не ответила.

Просто покинула гостиную и прошла в спальню, оставив меня с букетом, который вдруг показался неуместным и глупым.

Я поставил цветы в первую попавшуюся вазу, даже не глядя куда и есть ли там вода. Сердце билось неистово, а желание вызнаться у жены, что такое стряслось, было невыносимым. Ну не гормоны же это играли, в самом-то деле!

Я прошел к ней в спальню. Она сидела на краю кровати, руки сцеплены в замок, лицо бледное, но слишком спокойное. Как у королевы, которая готова вот-вот объявить приговор очередному провинившемуся подданному.

- Садись, - сказала она, кивнув на кресло напротив.

Я устроился там, где сказали, не узнавая ту женщину, которая еще утром была моей тихой, уютной Ариной. Казалось, что сейчас я вижу ее впервые.

- Я знаю, - произнесла она, глядя мне прямо в глаза.

И эти два слова были такими обтекаемыми, что у меня даже брови на макушку едва не запрыгнули. А жена, меж тем, пояснила:

- Я в курсе вашего разговора с Мироном на вечеринке у Ярцевых. Про пари.

Твою мать! Только не эта сраная глупость, которая сейчас может стоять слишком дорого! Я открыл было рот, но она тут же меня остановила:

- Не надо оправданий! - вскинула Арина руку. - Я все слышала. Слово в слово. И я уже подала на развод - мы не успели разжиться ничем общим, так что разведут нас быстро.

Знаете такое состояние, которое можно обозначить словами «Ни жив - ни мертв»? Вот я, походу, сейчас погрузился в него по самую маковку.

- Развод? - переспросил, и собственный голос показался чужим. - Я не согласен!

Она смотрела на меня с каким-то холодным любопытством, будто изучала насекомое под стеклом. Я вскочил из кресла, сделал шаг к ней, и Арина не отшатнулась - только голову чуть склонила набок, ожидая продолжения.

- Арина, послушай. - Я сцепил зубы, чтобы не наговорить лишнего. - Я знаю, что был... козлом. Да, козлом! Сказал ту херню Мironу по пьяни, это правда. Но все, что было после - это не игра, клянусь тебе!

- Не игра, - повторила она безо всякого выражения, как будто ей нужно было распробовать эти слова на вкус. - Хорошо. Тогда скажи мне: когда женился - ты меня любил?

Вопрос прилетел прямо в лоб. Я мог бы соврать. Сейчас, глядя на ее бледное лицо, сказать «да» и надеяться, что она поверит. Но она смотрела так, будто любой мой ответ уже прочитан.

- Нет, - сказал я честно. - Тогда нет.

Она кивнула, будто подтвердила что-то давно известное ей.

- Но не прошло и месяца, как я по уши втюрился, Ариш... - добавил быстро. - Я не знаю, как это случилось. Просто... я смотрел на тебя и понимал - все! Нет никакой стратегии, нет расчета. Есть только ты и я больше ни в чем другом не нуждаюсь...

Арина подняла бровь, в уголках губ мелькнуло что-то похожее на усмешку, но глаза остались безразличными.

- Ну-ну, - сказала она тихо. - Хорошо любить за деньги отца, который отправил нас в медовый месяц. Удобно получилось: к «страшненькой в очках» прилагался еще и отдых на

другом конце Земли. Там вообще можно забыть о том, что всю жизнь мечтал вовсе не о такой жене...

Каждое слово было как пощечина, и я понимал, что заслужил все из них.

- Арина, - я шагнул ближе, чувствуя, как горло сдавливает какая-то когтистая лапа, - прости. За то, что у нас все так началось. За те слова, что сказал Мирону... Но то, что у меня имеется к тебе сейчас, - это правда. Я тебя люблю. Я никогда никого так...

- Не надо, - перебила она и снова поморщилась. - Ты хочешь, чтобы я поверила в правду человека, который поставил на меня в дурацком пари? Который смотрел на меня и видел только папины деньги и отсутствие опыта? Как мне теперь верить хоть одному твоему слову?

Я молчал, потому что не понимал: что же ей сказать, чтобы она мне доверилась? И будет ли возможность это самое доверие вернуть?

Она встала и отошла к окну. Просто прошествовала мимо, делая вид, что я здесь - лишь декорация. И в этом жесте было столько окончательности, что мне захотелось завывать.

- Я знаю про беременность, - выпалил внезапно, даже не успев толком обдумать сказанное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.